

КТО-ТО ИДЕТ

За неделю до Хеллоуина начинается переходный период. Это мое любимое время года: половина деревьев уже стоят голыми, а другие объаты желто-красным пламенем листвы. Сад и лес дарят свои последние плоды, прежде чем впасть в зимнюю спячку. Воздух становится морозным, но лучи солнца еще греют; приближение Нового года приносит с собой все развлечения и традиции, что вызывают теплое чувство ностальгии. Именно в эту неделю моя магия расцветает в полную мощь.

Мне давным-давно пора быть в постели, но потрескивающий слева камин и дремлющий кот на коленях не дают выбраться из старинного кресла. Тянутся минуты, а уютную тишину нарушают лишь похрапывание моего питомца и шорох хлопковой нити по крючку. Сегодня я мастерю небольшое белое привиденьице с дружелюбной улыбкой и румяными щеками. Пока украшала коттедж к Хеллоуину, немного увлеклась с вязанием. Теперь в гостиной на камине красуются красно-черные гирлянды и везде развешана хлопковая паутина — по всем светильникам и даже на чугунном котле в очаге. Но кухне все еще не хватает какого-то финального штриха.

Я пришиваю второй маленький глаз из черного фетра на лицо призрака и разглаживаю края кончиками пальцев.

— Ты какой-то слишком уж милый, — говорю я, любуясь фигуркой.

Мерлин тихонько мяукает и недовольно смотрит на меня сонными глазами.

— Прости, — шепчу я.

Он трясет головой под звон бубенчика на ошейнике. Лениво потянувшись, спрыгивает с моих колен и устраивается на темно-зеленом диване по другую сторону гостиной.

— Для кота, который боится мышей, у тебя очень большое самомнение, — говорю я черному пушистому комочку.

Он одаривает меня еще одним взглядом, после чего опускает морду и снова засыпает.

Закатив глаза, я несу свежесвязанного призрака к кухонному окну. Там он как родной вписывается в уже сидящую на подоконнике вязаную же компанию из тыквы с кудрявыми зелеными усами, трехцветной конфеты-переростка в форме пирамидки и черного котенка, прототипом которого послужил Мерлин. С этими фигурками и самодельными венками из сушеных кленовых листьев, которые я развесила на окнах, декор кухни наконец-то обретает целостность.

Часы на камине шипят и щелкают, а затем издают три негромких удара, будто укоряя, что я до сих пор не в постели. Когда эхо последнего растворяется в тишине, потрепанная метла из орешника, мирно стоявшая у стены, с грохотом падает на деревянный пол.

Мерлин с испуганным мявом слетает с дивана и мчит прочь из гостиной.

У меня в животе будто стягивается узел. Помню, мама вечно приговаривала на упавшую метлу: мол, видимо, кто-то идет.

Отмахнувшись от назойливой мысли, я возвращаю метлу на законное место и оглядываю свой коттедж. Стены из темного дерева, безупречно чистая кухня, стол, заваленный травами, которые еще только следует разобрать. Все как надо. Ночь за окном тиха. Стоящий на холме особняк Гудвин громадой вырисовывается на фоне темного неба, и звезды отражаются в его

стеклах. Я переехала из родового семейного гнезда еще десять лет назад — сбежала подальше от любящего, но очень уж пристального материнского взора. Ныне же опустевший особняк похож на тень самого себя. С каждым прожитым днем детские годы уплывают все дальше, их никак не вернуть. А вот дом, ставший свидетелем тех событий, по-прежнему стоит, и мои воспоминания эхом отдаются в его стенах.

Напротив холма, вокруг моего коттеджа, раскинулся Ипсвичский лес. Деревья не тревожит ни малейший порыв ветра, они застыли, словно чего-то ждут.

У всех ведьм есть свои способы предсказывать будущее. Миранда, моя старшая сестра, говорит, что ей пророчества нашептывает морское стекло, которое она собирает на далеких берегах. Наша младшая, Селеста, гадает по картам Таро и движению планет. Я — ведьма пограничья, образы приходят ко мне, окутанные туманом снов. Но когда я бодрствую, то наблюдаю за лесом. И сегодня он меня тревожит. В нескольких милях отсюда, за деревьями, находится кладбище — последнее пристанище всех женщин Гудвин за последние четыреста лет. В том числе и моей матери.

Я не была там с ее похорон — с июня.

Бах!

Я подпрыгиваю, схватившись за сердце. Метла снова упала, и ее деревянная ручка указывает прямо на входную дверь.

— Что ты пытаешься мне сказать, надоедливая штукови-на? — спрашиваю я, поднимая ее и кладя на кухонный стол.

Может, прутья растрепались? Завтра надо будет их подстричь, когда выдастся свободная минутка. Сейчас уже слишком поздно приступать к работе. Я бросаю беглый взгляд в окно. В лесу клубится густой туман, но что-то в чаше нарушает его медленное продвижение.

Сердце сбивается с ритма. Сквозь белесые вихри бредет пожилая женщина в длинной светлой ночной рубашке наподобие

моей. Словно зачарованная, шагаю к окну и прижимаюсь носом к стеклу. Оно то запотеваает, то вновь становится прозрачным в такт моему дыханию. А женщина подходит ближе.

Маргарет Халливел.

Старейшина моего ковена и морская ведьма, как Миранда.

Беззвучно выругавшись, я хватаю со стойки шерстяное пальто, накидываю его поверх ночной рубашки, распахиваю входную дверь и прямо босиком выбегаю на холод.

— Мэгс? Ты в порядке?

Она останавливается и смотрит на меня, ее седые волосы удивительным образом развеваются в совершенно безветренном тумане.

— Геката, — каким-то странно ровным тоном произносит Маргарет.

— Я здесь, — запыхавшись, отзываюсь я. Добираюсь до нее, снимаю с себя пальто и протягиваю ей, но она даже не пытается его взять. — Что случилось, Мэгс? Как ты сюда попала? Тебе нездоровится?

Как ведьма пограничья, я должна заботиться о больных членах Атлантического ключа — ковена, в котором родилась. В нем более ста тридцати ведьм, и мне всегда есть чем заняться. Почти восьмидесятилетняя Маргарет уже давно нездорова. Последний год я каждые два месяца делала для нее баночку бальзама с бьярышником, чтобы помочь справиться с хронической усталостью. Новую порцию отправила всего несколько дней назад.

— Он зовет меня, Геката. Я должна идти, — шепчет она.

У меня замирает сердце.

— Все в порядке, Мэгс. Я отведу тебя домой, — мягко говорю я.

Ее муж скончался несколько лет назад, и Маргарет уже в том возрасте, когда прошлое и настоящее начинают сливаться в памяти.

Она протягивает мне свою морщинистую руку. Я колеблюсь. Редко дотрагиваюсь до людей: в такой близости для меня

больше дискомфорта, чем уюта. Даже мои пациенты привыкли к тому, что я почти не касаюсь их во время работы. Но с моей стороны было бы жестоко отказать Мэгс в такой мелочи. Я улыбаюсь и кладу свою руку в ее.

Боль возникает сразу. Сосушее ощущение скручивает мой живот. Каждый волосок на руках встает дыбом, кожу начинает колоть и щипать, а уши закладывает от давления. Я пытаюсь отшатнуться, но Маргарет держит цепко, ее пальцы впиваются в кожу моего запястья. *Намерение* ее магии обвивается вокруг меня, сжимая, как змея, и обжигая холодом.

— Мэгс! — выдавливаю я. — Что ты делаешь?

— Ты не то, чем должна быть, девочка, — говорит она чужим голосом, похожим на низкое хриплое шипение. — Какое разочарование.

— Пусти меня! — кричу я, дергаясь изо всех сил.

В груди нарастает паника. Даже в это время года, на пике возможностей, у меня не хватает магии противостоять старшей из ковена.

Маргарет ахает, ее взгляд немного проясняется. Мне становится чуть легче.

— У меня нет времени, — шепчет она уже нормальным тоном. — Самайн все ближе, и Грань истончается. Король, Что Внизу, испытывает тебя. Найди книгу матери — и поймешь, почему она назвала тебя ведьмой пограничья.

Туман смыкается вокруг нас, в его завихрениях пляшут тени. От боли буквально звенит в ушах. Покалывание превращается в жжение. Я кричу и выдергиваю запястье из хватки Мэгс. В животе что-то лопается, и я навзничь падаю на землю.

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Проза:

